

УДК 930.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27

БУГАЙ Николай Фёдорович
Институт российской истории Российской
академии наук
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Nikolai F. BUGAI
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ДАЛЕКОГО И БЛИЗКОГО
КАМЧАТСКОГО КРАЯ. 1920-1930-е ГОДЫ**

**PROBLEMS OF THE FAR AND NEAR KAMCHATKA
REGION FROM THE 1920S - 1930S YEARS**

В предлагаемой публикации автором сделана попытка на основе имеющихся наработок предшественников, выявленных новых документов воссоздать картину прошлого, связанного с борьбой за Советы на территории самого отдаленного от центра субъекта страны - Камчатской области (губернии, округа). Проблема периферийности всегда привлекала внимание как историков Западной Европы, так и Союза ССР, России. Особое внимание в плане развития проблемы периферийности уделялось в историографии учеными Италии. Важное направление исторической науки во многом позволяет стабилизировать некоторые процессы восстановления отдельных этапов истории полуострова, охватить как огромные территории государства, так и его составляющих, в том числе и Камчатки, которая не является исключением из правил, так же как и многие другие территории окраин Союза ССР, России. В статье обращено внимание узловым вопросам развития революционного процесса, адаптации в России накануне 1917 года. Наряду с этим показана специфика, особенности, присущие исключительно регионам Севера. Во многом затрагивается процесс формирования самосознания и национального сознания населения, принадлежащего к разным этническим общностям, проживавших на Камчатке. Разумеется, такая ситуация не была одинаковой применительно к разным регионам полуострова. На архивных материалах, как опубликованных, так и выявленных, прослеживается процесс формирования органов государственной власти на Камчатке, тем самым затрагиваются и проблемы институционализации самого процесса борьбы за формирование новых общественных отношений. Для Камчатки было свойственным также применение новых технологий управления революционными процессом, нашедших свое проявление в создававшейся системе наррекомов, ревкомов, когда многие задачи этой эпохи пришлось решать в условиях чрезвычайной обстановки. В связи с этим определены роль и место многих из участников того периода на Камчатке. Проведен анализ и таких особенностей региона, как место соседних государств (Япония, США) в судьбе Камчатского полуострова, что было, конечно же, временным явлением. Однако оно имело негативные последствия в ходе решения вопросов вовлечения этнических меньшинств в управление государством, освоение края, вопросов национально-государственного и советского строительства, в работу органов власти, в общественно-просветительскую деятельность в изучаемый период.

In the proposed publication, the author made an attempt to reconstruct a picture of the past, connected with the struggle for councils on the territory of the most remote from the center of the subject of the country - the Kamchatka region (gubernia, okrug) on the basis of the existing achievements of predecessors, new documents that have been opened. The problem of periphery always attracted attention as historians of Western Europe, the USSR and the USSR, Russia. Particular attention in terms of the development of the problem of periphery was given in historiography by scholars of Italy. An important direction of historical science in many ways allows to stabilize many processes of restoring individual stages of the history of the peninsula, to cover both the vast territories of the state and many of its components, including Kamchatka, which is not an exception to the rules, as well as many other territories of the outskirts of the Union SSR, Russia. The article drew attention to the key issues of the development of the revolutionary process, adaptation in Russia on the eve of 1917. Along with this, the specifics, peculiarities peculiar to the regions of the North, are shown. The process of formation of self-consciousness and national consciousness of the population belonging to different ethnic communities living on Kamchatka is largely touched upon. Of course, this situation was not the same for different regions of the peninsula. On archival materials, both published and identified, the process of forming state power bodies in Kamchatka is traced, thereby addressing the problems of institutionalizing the very process of fighting for the formation of new social relations. For Kamchatka, the use of new technologies to control the revolutionary process was also characteristic, which found its manifestation in the system of provincial and revolutionary committees that were being created, when many tasks of this epoch had to be solved in an emergency. In this regard, the role and place of many of the participants of that period in Kamchatka was determined. The analysis of such peculiarities of the region as a place of neighboring states (Japan, USA) in the fate of the Kamchatka Peninsula was carried out, which was, of course, a temporary phenomenon. However, it had a negative effects in the course of solving the issues of involving ethnic minorities in state administration, the development of the province, in solving issues of national-state and Soviet construction, the work of government bodies, and in public outreach activities during the period under study.

Ключевые слова: Камчатка, этнические меньшинства, советское строительство, Советы, бандитизм, национально-государственное строительство, Япония, США, ревкомы

Keywords: Kamchatka, ethnic minorities, Soviet construction, councils, banditry, national-state building, Japan, USA, revolutionary committees

Остается непонятным, почему так мало пишут о Камчатском крае в историческом плане в 1990-2017 гг. как о самом дальнем от Центра субъекте Российской Федерации. Где изданная обобщающая история Камчатского края? Как-то ранее все территориальные автономии, края и административные области стремились создать историю своей малой родины. На Украине, например, даже было издано солидное собрание всех областей, получившее поддержку со стороны государственных и партийных органов власти. Не богат историографический фонд Камчатки и в Институте российской истории Российской академии наук.

Надо приложить немалый труд, чтобы, например, восстановить историю какого-либо из десятилетий в общем процессе эволюционного развития того или иного края, области, региона.

В настоящей статье автором предпринята попытка обратиться к событиям на Камчатке в 1920-1930-е годы¹.

В связи со 100-летием Великой русской революции актуально, хотя бы приблизительно восстановить картину хода борьбы за народную власть против разного рода альтернативных сил самой революции, сколачивавшихся бандитских группировок на далекой Камчатке. Каким образом власть отстраивала саму себя в этой ожесточенной борьбе? Каким был вклад в этот процесс населения Камчатки, представлявшего его народы, и в чем заключалась их вина? За что их подвергали деструктивным воздействиям со стороны органов партийной и советской власти?

Дело в том, что установление советской власти на Дальнем Востоке происходило позднее по сравнению с центральными районами России. Камчатка отличалась своей спецификой. На протяжении многих лет здесь продолжали функционировать оппозиционные партии и движения. В экономике региона значительное место занимал иностранный капитал, частный предприниматель. Здесь было больше, чем в других частях страны, граждан, отрицательно относившихся к новой власти. В силу особого положения центра Камчатки развитой была сеть контрабанды.

Короткий экскурс в историю прошлого. Материалы по истории Камчатки первых двух десятилетий существования Советов собирались постепенно. Изучение этого периода применительно к другим регионам страны позволило сделать вывод, что для Камчатки было характерным наличие и революции, и Гражданской войны. По моему мнению, выделяются особенности, присущие, например, и территории Северного Кавказа.

У каждой территории своя специфика. И таким было положение повсеместно до тех пор, пока регион в целом не занимал прочную позицию по отношению к Советам, к центру России, не оказывал всемерной поддержки Советам как органам власти, объявленным в ту пору политической основой народной власти. На Камчатке действовали и пра-

¹ Камчатка в своем эволюционном развитии прошла длительный путь и неоднократные переподчинения в административном отношении, оставалась составной частью административно-территориального обустройства государства. С 1909 г. по 1920 г. Камчатская область (губерния с начала декабря 1922 г.) оставалась в составе Российской империи. В связи с созданием 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики Камчатка становится ее составной частью (до 15 ноября 1922 г.). С ноября 1922 г. Камчатка (в составе 6 уездов) пребывает как административного округ в созданной Дальневосточной области (до 4 января 1926 г.), когда был создан Дальневосточный край.

30 октября 1932 г. четырем округам, в том числе и Камчатскому округу, придается статус области в составе края до 1938 г. Затем попеременно Камчатская область входила в состав Хабаровского (с 20 окт. 1938 г.) и Дальневосточного краев. В 1956 г. область получает статус самостоятельной области. С 1 июля 2007 г. в результате объединения с Корякским национальным округом область обретает статус Камчатского края.

вительство Колчака (Омск), и правительство С.Д. Меркулова, занявшее Петропавловск (осень 1921 г.), и органы власти Приморья, функционировавшие до революции.

Камчатка находилась в процессе становления власти Советов в подчинении и ДВР, и Дальневосточного краевого комитета Советов и самоуправлений, в котором область имела в качестве представителей три места, и Дальревкома (Чита), и Сибревкома (Новониколаевск), и Камчатского областного комитета (И.Е. Ларин), и Камчатского народного ревкома (осень 1922 г.), и Областного съезда Советов (март 1920 г.), Камчатского областного ревкома.

В публикации использованы документы из фондов ЦА ФСБ Российской Федерации, которые в определенной мере помогают реально воссоздать историю Камчатского края в один из самых сложных периодов формирования советской государственности, сопровождавшегося ожесточенной борьбой с альтернативными силами (бандитизм, действия белого офицерства, казачества и пр.). Особую ценность, несомненно, представляют документы по Камчатке, тем самым дается ответ на вопрос, как жили народы страны, в том числе и Камчатского округа, какие испытания и неведомые ранее масштабные социальные эксперименты выпали на их долю в XX столетии.

При подготовке статьи автор также опирался на уже проделанную предшественниками работу. Их научные труды [11; 7; 8; 19; 2], публикации новых сборников документов [6; 4; 3] затрагивают отдельные стороны жизни Камчатской губернии (области). Здесь в одинаковой мере представлены вопросы и советского строительства, и национально-государственного обустройства (нациестроительство), и этнические меньшинства в области, их вклад в развитие региона, и взаимодействие между органами власти, общественными движениями, экономический аспект и первые достижения в сфере развития культуры народов Камчатки др.

Что касается Камчатки, то Петропавловск-Камчатский категорически протестовал против захвата полуострова японцами и просил Сибирь (которую «камчатцы» называли материком) и Россию поддержать их в этой ожесточенной борьбе с Японией. Эти идеи были изложены в политической сводке 5-й армии для председателя Сибирского революционного комитета (ревкома) И.Н. Смирнова о положении на Дальнем Востоке от 10 марта 1920 г. [3, с. 21].

Из имевшихся в Охотско-Камчатском бассейне 23 консервных заводов (производили 900 тыс. ящиков консервов), только два принадлежали русским (Демби и Грущевскому, производили 200 тыс. ящиков консервов). Из 490 морских рыболовных участков, арендованных японцами, работали в 1922 г. 213, принадлежавших 90 арендаторам, входивших в один синдикат [6, с. 85-86]. Это было действительно хищническое разграбление природных ресурсов России.

Камчатский облнарревком сразу же проявил заботу и об органах власти, создававшихся на местах. Заместитель председателя облнарревкома М.И. Савченко в интервью газете «Дальневосточный путь» (14 ноября 1921 г.), вспоминая об этом периоде, особо отмечал об активизации деятельности разных сил в регионе, при этом делая упор на развитии партизанского движения на Камчатке в 1921 г. Он также сообщал, что в феврале 1921 г. отряд белых силой в 40 человек должен был пройти по западному побережью Камчатского полуострова в Большерецк [5, с. 257-258]. Цель - устроить грабежи. Однако отряд областного комитета принял решение не допустить такой акции. В революционном отряде насчитывалось 70 партизан. Японцы, размещавшиеся в это время в Большерецке, не позволили партизанам занять город. Отряд отступил. Одним словом, завоевателям Камчатки не удалось исполнить свой коварный замысел.

В политической сводке 5-й армии (март 1920 г.) сообщалось из Охотска¹ о том, что начал функционировать Совет рабочих и крестьянских депутатов. Население округа также выступало против японцев, их стремления оккупировать Восточную Сибирь.

¹ С мая 1925 г. район передавался из подчинения Камчатского в Николаевский округ.

С апреля 1920 по ноябрь 1922 г. Камчатка, Прибайкалье, Забайкалье, Амурская область, Северный Сахалин входили в состав Дальневосточной республики. С ноября 1922 г. - в состав Дальневосточной области.

Обстановка была напряженной как в самой республике, так и на соседствовавших с ней территориях [13, с. 256]. Так, обострило обстановку восстание в Якутской области. А. Пепеляев, руководивший силами контрреволюции, не смог наступать на территории Якутии¹. Восстание растянулось на длительное время и было подавлено с большим трудом. Его всячески поддерживали белогвардейские силы. Пепеляевские группировки стремились захватить Якутск, чтобы иметь возможность продвигаться дальше к Байкалу. Население Якутии сочувствовало ему. ГПУ располагало необходимыми сведениями о заготовке якутами 10 тыс. ездовых оленей и 500 кибиток, предназначавшихся для пепеляевских соединений.

Восстания, вспыхивавшие на широкой территории страны в этот период, носили спонтанный характер, протекали стихийно, являясь проявлением народного движения, вызванного репрессиями со стороны государственной власти, особенно тем, что ни одно из требований, выдвинутых революцией, не было удовлетворено. Тем не менее такие восстания, наоборот, подавляют и деморализуют массы, способствуют укреплению контрреволюции, позиций ее правителей, а нередко они и вызывались последними.

Восстания подобного типа необходимо было переводить в русло организованной партизанской борьбы [Архив ИРИ РАН. Секретариат «История Гражданской войны в СССР». Ф.6. Оп.6. Д.6. Л.6-7; Резолюция, стоявших на платформе Советов, была принята на конференции во Владивостоке (апрель 1919)].

По-разному оценивались восстания на территории Советской республики. В ходе их выдвигались требования главным образом экономического порядка, участники обращались к лозунгам революции, обещаниям партий и пр. Несомненно, не совсем логичными были взгляды и оценки устроителей этих восстаний. Ведь надо было еще отстроить государство, наладить в нем хозяйственную сферу, что позволило бы перейти к решению коренных вопросов социальной политики, а не добиваться решения насущных проблем по формуле «сейчас и сразу», выдвигаемыми в ходе восстаний требованиями, созданием конфронтационной ситуации в обществе.

Как бы в подтверждение изложенному информацию о настроениях населения озвучил в докладе сотрудник Сибирской комиссии по иностранным делам Олег Вебс в послании о военно-политическом положении на Дальнем Востоке (апрель 1920 г.) председателю Иркутского губернского ревкома Я.Д. Янсону. Он сообщал о том, что работники советских и партийных органов власти преследует единственное стремление - соединение с Советской Россией, применение советских принципов в жизни и в государственном строительстве Приморской области, Камчатки и о. Сахалина. Основой всех этих заявлений, чисто политического характера, выступала единственная причина - стремление Японии «к распространению своего экономического влияния на Дальнем Востоке» [3, с. 40].

В эти планы входили Сахалин, Камчатка и Приморская область, может быть, также полоса отчуждения и Забайкалье. Именно об этой территории писал 11 июня 1920 г. в своем донесении о военно-политическом положении Дальневосточной республики (ДВР)

¹ Пепеляев Анатолий Николаевич (1881 – 1937). Уроженец гор. Томска. Из семьи офицера, брат Виктора Николаевича Пепеляева, главы Колчаковского правительства. В 1908 г. окончил Омский кадетский корпус, в 1910 – Павловское военное училище. Служил в 42 Сибирском стрелковом полку. Имел воинское звание в царской армии – полковник, в белой армии – генерал-лейтенант. В марте 1918 г. организовал контрреволюционный мятеж в г. Томске, поддержанный белочехами. Выступление закончилось поражением. В 1919 г. эмигрировал в Харбин. В августе 1922 г. во главе, так называемой, Сибирской добровольческой дружины (750 человек) участвовал в антисоветском Якутском мятеже (1921 – 1923 гг.). В июне 1923 г. в порту Аян с остатками отряда сдался советским войскам. По приговору военного трибунала 5-й Краснознаменной Армии от 15 февраля 1924 г. осужден к ВМН. Постановлением Президиума ВЦИК от 29 февраля 1924 г. расстрел заменен 10-летним заключением со строгой изоляцией. Не реабилитирован.

главком Г.Х. Эйхе на имя помглавкома В.И. Шорина и председателя Сибревкома Н.И. Смирнова. По заключению Г.Х. Эйхе, центр тяжести экономических интересов Японии в данное время переносился в Приморскую область, Уссурийский край, Камчатку и о. Сахалин» [3, с. 87]. Кстати, этот вывод прозвучал с учетом того, что над Амуром Япония уже господствовала.

Тем не менее в это же время и на Камчатке разворачивалась работа по решению проблемы институционализации власти в областном масштабе в условиях чрезвычайной ситуации.

Советы в тех, фактически военных, условиях работать не могли. Требовалась совершенно новая технология управления национальными процессами. Необходимость решения этой задачи обеспокоились и в Центре. Секретарь ЦК РКП В.И. Яковлева в начале мая 1921 г. в письме на имя Б.З. Шумяцкого указала на необходимость создания ревкома на Камчатке, как чрезвычайного органа власти, способного работать в экстремальной обстановке.

Невозможно обойти вопрос преемственности работы этих органов власти, например по вектору «ревкомы - Советы». Конечной целью существования ревкомов как раз и выступала задача передачи власти в руки Советов. Правда, этот процесс не был единовременным и занимал продолжительный период. Например, на территории Камчатской области ревкомы функционировали еще и в конце 1920-х годов, оставаясь составляющей системы институционализации советской власти на полуострове, ее олицетворением в условиях военной обстановки и послевоенного ее развития. И тем не менее в конечном итоге они передавали власть Советам.

Сиббюро РКП просит ускорить решение вопроса в ЦК и Наркомате внутренних дел о Камчатке. Сиббюро организовало Камчатский ревком. В первом его составе были Кузнецов, И.П. Кларк и один из местных работников, кандидатуру которого просили «наметить Дальбюро с последующей санкцией Сиббюро». Предстояло решить задачу выезжавшего в это время в Читу Кузнецова и установить взаимоотношения ревкома с Сибирским центром.

Председатель Сибревкома Н.И. Смирнов в силу своей чрезвычайной занятости, очевидно, не был осведомлен, кто такой Кларк, который направлялся на Камчатку. Смирнов тут же запросил сведения о нем. При этом здесь же был задан вопрос: «Как туда проехать?» (на Камчатку. - Н.Б.) [3, с. 234-235].

Все это свидетельствует о том, что решение вопроса осуществления советского строительства на Камчатке носило спонтанный характер; особенной обеспокоенности обстановкой на полуострове не проявлялось.

Институционализация власти в чрезвычайной ситуации на Камчатке, несомненно, содействовала и оживлению работы в целом на полуострове. Уже 5 мая 1921 г. Н.И. Смирнов сообщал в Наркомфин РСФСР о полученных сведениях из Петропавловска-Камчатского, которые касались анализа обстановки в торговле пушниной, и констатировал: «Русские, американские и японские коммерсанты, торгующие, обратились в облревком о приостановлении действия обязательного постановления Комитета от 26 ноября 1920 г. № 3872 о десятикратном налоге на пушнину впредь до получения ими ответа Центрального правительства о законности этого налога.

Постановление было издано Комитетом на основании решения 3-го съезда, состоявшегося в октябре 1920 г. Согласно документу санкции коммерсанты и кооперативы платят приблизительно с апреля по октябрь 1920 г. Комитет считает это постановление законным и просит Вашего срочного подтверждения в виду предстоящего открытия навигации» [3, с. 237-238].

Разумеется, коммерсанты, занятые скупкой пушнины, проявили недовольство по поводу вмешательства в эту сферу со стороны государственных органов власти. Информация от 18 мая 1921 г., представленная наркомом Лариным и секретарем Дудко из Петропавловска-Камчатского на имя Сибревкома, а далее - в Наркоминдел РСФСР, касалась ноты японского консула по поводу торговли пушниной с иностранцами. Японский консул в г. Петропавловск-Камчатский Ямагучи как раз свидетельствовала об этом следующим

образом: «Императорское консульство в гор. Петропавловске, по имеющимся сведениям Гудсон-Бей и К^о в Канаде, отправляет на Камчатское побережье американскую моторную лодку "Цасцо" с целью покупки пушнины. Шхуна эта 15 мая сего года выходит из Ванкувера, затем отправляется в Берингово море. Поставляя о вышеизложенном в известном, прошу Вас сообщить мне, какими русскими властями означенной шхуне разрешено такое плавание. Нам не известно» [3, с. 244-245].

В последующем было письменно предложено японскому консулу с такого рода запросами обращаться непосредственно в Москву.

Разумеется, и в этой сфере хозяйствования постепенно устанавливался строгий порядок. В частности, в телеграмме от 14 июня 1921 г., направленной в Петропавловск о принятии решительных мер против посторонних скупщиков пушнины на Охотском побережье, была изложена просьба «принять действенные меры по запрещению вывоза пушнины иностранными коммерсантами». Для этого необходимы были соответствующие решения.

Поразительно то, что ни в одном из документов коммерсантов не содержится даже намек на тех, кто добывал эту пушнину. Учитывались ли каким-либо образом их интересы?

В этом ключе развивалась и ситуация с государственным подходом к работе промышленности. В связи с этим привлекает внимание содержание письма от 30 мая 1921 г. комиссара Камчатки, члена Камчатского ревкома И.П. Кларка о занятии японцами рыбными промыслами. Например, в Большерецке рыболовные участки Центросоюза были уступлены для эксплуатации японской фирме Цуцуми. И порядок на промысле устанавливали именно японцы. Газета «Дальневосточная правда» от 28 апреля 1921 г. по этому поводу констатировала: «В Японии, для японских рыбопромышленников. Этим должны руководствоваться при производстве промысла на Камчатке». Правда, эти правила не распространялись на Большерецкие участки.

И.П. Кларк по пути следования на Камчатку в одном из посланий писал о том, что «Американо-китайская фирма "Китае", русско-американская "Вульфсон" предложили по исходным ценам поставить продовольствие через Николаевск или Шанхай, франко Петропавловск-Камчатский¹ под флагом Китая или Америки и на этом же пароходе доставить меня и служащих на Камчатку».

«Если на это не согласиться, - замечает Кларк, - то экономическое преобладание на Камчатке перейдет в руки Японии. Кроме того, крайне нуждающиеся в хлебе, соли и вообще в предметах первой необходимости служащие камчатских правительственных учреждений, две трети которых принадлежат к спекулянтам и контрреволюционерам, наверное, в конце концов, обратятся к Японии с просьбой о поддержке их. Фактически это будет равносильно полному захвату Камчатки Японией». И далее И.П. Кларк констатирует: «В настоящее время отношения между Нарревкомом Петропавловска и японцами дружеские и японцы не вмешиваются во внутренние русские дела на Камчатке, контролируют лишь японский рыбный промысел» [3, с. 257-258].

Осенью 1921 г. на Камчатке продолжало действовать правительство С. Меркулова. О его работе оставил воспоминания один из членов Народного собрания, управляющий делами Правительства Меркулова, председатель Охотско-Камчатского совещания С.П. Руднев [5, с. 253-254].

Особое внимание правительства уделялось содержанию и охране котиковых промыслов на Командорских островах. Население особых неприятностей не доставляло. И не выступало рьяным сторонником большевиков и Советов.

¹ ФРАНКО (от итал. franco – свободный) применяемый в торговых договорах термин, употребляемый в сочетании с обозначением пункта доставки (франко-судно, франко-вагон, франко-склад) (См.: Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. – 1999).

Власть осуществлялась в непосредственном присутствии военных кораблей Японии. В этой ситуации Приамурское правительство как суверен Охотско-Камчатского края направило экспедицию под командованием есаула Бычкова в Охотск, на Камчатку. Сюда командировались особоуполномоченный представитель на Камчатке Бирич, а также бывший секретарь несоциалистического съезда Н. Соколов.

В июле-сентябре 1921 г. экспедиция работала в Охотске, на Камчатке. Был сделан по ситуации вывод. В случае оставления Камчатки японцами появится возможность «нацеленно задержаться на Камчатке». Для завоевания Камчатки красными не хватит сил и флота. Адмирал Старк оборудовал даже мастерскую для ремонта судов. При этом полагалось, что продовольствие будет поставляться из Америки и японского порта Хакодаде.

Табл. 1. Численность и расположение революционных комитетов (ревкомов) по территории Дальневосточной республики (июнь 1920-1922 гг.)

Table 1. Number and location of revolutionary committees on the territory of the Far Eastern Republic (June 1920-1922)

Регион	Год	Ревкомы									
		Республ.	Обл.	Губерн.	Уездн.	Участк.	Район.	Город.	Волостн.	Сельск., аульск., хуторск.	Всего:
Дальневосточная республика Амурская, Приморская, Прибайкальская, Камчатская, Сахалинская губернии	$\left\{ \begin{array}{l} 1921 \\ 1922 \end{array} \right.$	-	1	4	14	-	-	-	-	150	169

Источник: Мухачев Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР в 1917-1920 гг. Новосибирск, 1975; Исаева Т.С., Сонин В.В. Из истории развития советской государственности на Дальнем Востоке, 1992-1926. Владивосток, 1974; Рябов А.В. Народно-революционные комитеты - местные органы власти Дальневосточной республики / Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции. Новосибирск, 1978 и др.

Source: Mukhachev B.I. Emergence of Soviet power and the fight against foreign expansion in the North-East of the USSR in 1917-1920. Novosibirsk, 1975; Isayeva T.S., Sonin V.V. From the history of the development of Soviet statehood in the Far East, 1992-1926. Vladivostok, 1974; Ryabov A.V. People's Revolutionary Committees as local authorities of the Far Eastern Republic. Materials of the All-Union Scientific Student Conference. Novosibirsk, 1978, and others.

Судя по всему, И.П. Кларк добрался до Камчатки. 12 июля 1921 г. он направляет донесение Н.И. Смирнову (Сибревком) об экономическом положении на Охотском побережье [5, с. 271].

При этом Кларк посылает свое донесение и Сибревкому, и в Наркомвнудел РСФСР. Он обращается с просьбой предоставить в его постоянное распоряжение два судна не только

для рейса Владивосток-Петропавловск, но и для своевременного объезда побережья с целью доставки продовольствия населению осенью.

«Положение считаю достаточно прочным, - писал далее И. Кларк. - В Урянхае имеется наш вооруженный отряд... Русское население тяготеет к советской власти. Однако до сих пор оказываем помощь, и только в отношении медицинском и народного образования. Для постоянной связи с Урянхаем необходим представитель Наркоминдела, очевидно, имеющий контакты с Шумяцким» [5, с. 274].

Таким образом, И.П. Кларк, благодаря известности в высших кругах, а также своей необыкновенной деловой активности, четко представляя ситуацию в стране и конкретно на полуострове, принимал решительные меры по обустройству жизни населения, укреплению советской власти. Прочные отношения устанавливались им и с Сибревкомом. Сибревком обратился к председателю Совмина ДВР с просьбой об оказании содействия руководителям Камчатского нарревкома (15 июля 1921 г.) - «сделать распоряжение всем подведомственным Совмину ДВР учреждениям оказывать содействие тов. Кларку - председателю Камчатского революционного комитета и тов. Кузнецову, его заместителю, при исполнении ими возложенных на них обязательств» [5, с. 274].

Таким образом, И.П. Кларк возглавил Камчатский ревком. Вероятно, такой шаг был правильным, так как он, конечно же, был в тесном контакте с органами власти Центра, имел налаженную связь с Сибревкомом. Бывший же председатель ревкома Кузнецов был всесторонне осведомлен о событиях на местах. Такое сочетание дополняло работу руководителей в это непростое время, делало ее более эффективной, дающей определенно позитивные результаты.

26 ноября 1921 г. ЦК РКП(б) направил местным партийным организациям письмо о работе среди национальных меньшинств, в котором напомнило о решениях X съезда, призывавшего к активизации деятельности по отношению к национальным меньшинствам, улучшению условий их жизни. «Необходимо не отгораживать работу среди национальных меньшинств от общей работы, - читаем в документе, - а стремиться объединить усилия трудовых масс всех населяющих край народностей» [20, с. 59].

Это проблема была актуальной и для органов власти на Камчатке, так как на территории региона проживали как этнические меньшинства чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, эскимосы, ительмены, эвенки, алеуты. В структуре ревкома в связи с этим действовал институт уполномоченных, в частности в Анадырском и Чукотском уездных ревкомх.

Однозначно, проблема с обеспечением продовольствием, его доставкой зависела от многих факторов, прежде всего транспортных связей с полуостровом. Использовалась любая возможность. Зачастую суда, в том числе с продовольствием, подвергались нападению. Так случилось и в очередной раз, когда корабль с продуктами был обстрелян у северных островов Японии. В связи с обстрелом корабль пришвартовался в японском порту Хокодате. Грузы оказались без дальнейшего продвижения.

Не было возможности в короткий срок решить эту проблему. В связи с этим секретарь Дальбюро Янсон предложил Сиббюро ЦК (Новониколаевск) принять меры или по срочной ликвидации, или по перевозке груза через Харбин в Приморье для снабжения партизанских отрядов. В противном случае это продовольствие могло быть захвачено японцами [3, с. 339].

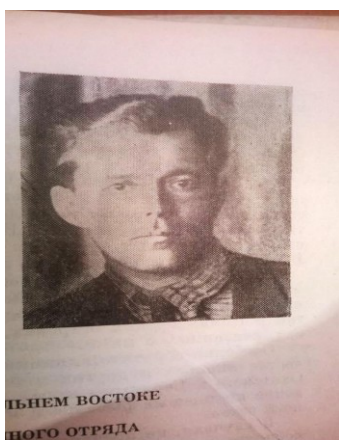
8 июля 1922 г. с территории Камчатки в Японию была направлена экспедиция, которой поручалось решение вопроса с грузами, предназначенными для Камчатки.

Каким же образом характеризовалась политико-экономическая обстановка в РСФСР осенью 1922 года? Аналитики соответствующих органов государственной власти понимали, что осенью 1922 г. еще наблюдалось значительное улучшение «общего политического и экономического состояния РСФСР» [13, с. 296].

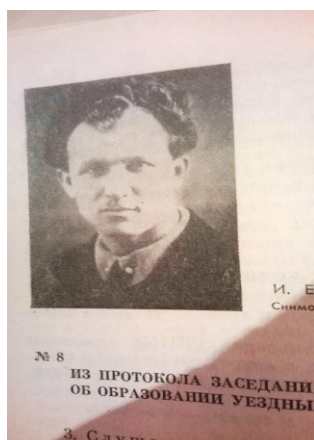
А октябрь 1922 г. рассматривался как месяц окончательно обозначившегося перехода в сторону улучшения. Дело в том, что к этому времени стабилизировался рубль, что содействовало материальному улучшению, другим становилось и настроение рабочих и служащих. Урожай в стране содействовал несколько и улучшению положения крестьянства.

Одним словом, происходил процесс политического замирения, ослаблялось и проявление контрреволюционных действий. Тем не менее такие районы на территории страны, как Туркестан, Кавказ, Сибирь, все же ощущали еще напряженную ситуацию. Сибирь как органичная часть страны продолжала оставаться ареной действий контрреволюционных сил, хотя в сентябре-ноябре и там положение «потеряло катастрофическую остроту летних месяцев» [13, с. 273].

В этих сложных условиях в Камчатской области продолжалось укрепление местных органов власти. На территории Камчатской губернии (февраль 1923 г.), по данным Дальревкома, действовали: в Петропавловском уезде - 88 селькомов, 11 волревкомов, 2 райревкома (Усть-Камчатский [пред. М.П. Щербаков] и Тигильский), Гижигинском [с 12 дек. 1924 г.] - 22 селькома, в Охотском [ревком долины р. Камчатка, пред. А. Марков] - 22, в Анадырском - 20 [пред. со 2 июля 1923 г. Глушков], Командорском - 2 [пред. ревкома с 30 марта 1923 г. Ф.Ф. Волокитин], Чукотском [уездный ревком Воронов, Хорошавцев] - 63 селькома [6, с. 65-66]. Были созданы Проведенский, Яндогайский и Уэленский волревкомы [9, с. 37].

М.И. Савченко, пред. Ревкома (Фонд ГАКО)

И.Е. Ларин - пред. Камнарревкома (Фонд ГАКО)

П.Г. Ларичев (Ивашкин) - секр. ревкома (Фонд ГАКО)

В.Д. Богомолов, член Ревкома

1926. Члены Камчатского окрревкома (слева направо): И.Е. Ларин, Масян, П.И. Дудко, (?), Богатырев (пред.), крайние слева - Ф.Т. Якимов, Кузнецов

22 октября 1923 г. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) утвердило новый состав Камчатского губревкома: М.П. Вольский - предс., Бузин, П. Ларичев, В.М. Кручина, М. Щербаков, В. Богомолов и др.

30 октября 1925 г. Дальревком принимает решение по выборам Советов в Камчатской губернии, определяет численность представителей от населения в Советах. Предусматривалось и положение о выборах в родовые Советы, призванные проводить работу среди этнических меньшинств. В январе 1917 г. Камчатский губревком обратился к населению области с просьбой отказать полное содействие в проведении этой политической акции.

Выступая с докладом о работе Камчатского окружного ревкома в октябре 1926 г., и.о. предревкома И.Е. Ларин привел обобщенные данные и применительно к чрезвычайным органам власти - ревкомам. По его сведениям, из 5 уездов, 14 волостей и 132 сельских советов были организованы 8 районов и 132 сельских совета [9, с. 153].

Охотский уезд был передан Николаевскому округу. Проведенная выборная кампания имела такие результаты. По всем районам Камчатки приняли участие в выборах 6297 избирателей (без Чукотского, Пенжинского районов и Петропавловска-Камчатского). Присутствовало на выборах 4294 избирателя (65,7%). В числе избирателей было русских - 267 чел. (38%), туземцев - 415 (58%), прочих национальностей - 26 (4%). В состав Петропавловского городского совета было избрано 74 депутатов [9, с. 191].

В целом же для поддержания стабильной обстановки в областном масштабе, налаживания работы созданного аппарата власти требовалась и вооруженная сила, чтобы противостоять проискам контрреволюции.

Отмечалось, что единственной крупной контрреволюционной силой, действовавшей на Дальнем Востоке, можно было бы признать лишь пепеляевский отряд. В связи с занятием Народно-революционной армией Владивостока Пепеляев прекратил подготовку похода на Якутск (Нелькан), где его ожидали повстанческие отряды. В этой ситуации был сделан вывод, что Пепеляев оставит план захвата Якутска и уйдет на Камчатку.

Анализируя ситуацию с бандитизмом в этот период в рассматриваемом регионе, ГПУ отмечало в сводке особое развитие политического бандитизма. Он пока замечается почти во всех крупных центрах Дальнего Востока. Руководители банд разворачивали агитационную деятельность среди населения и проникали даже в красногвардейские воинские части. Вновь рассматривалась позиция в этой обстановке, которую оставил гарнизон в Нелькане, снова прозвучала мысль, что Пепеляев изменит свой маршрут на Камчатку. Это позволит уменьшить степень политического бандитизма на освобожденных территориях.

Не случайно в упоминавшемся письме ЦК РКП(б) прозвучал и призыв временно подчинить партийные и советские организации Охотского съезда Камчатской губернии РСФСР комиссии в составе Байкалова (председатель), а также по одному представителю от Дальбюро (он же представитель Дальревкома) и Якутского обкома (он же представитель ЦИК Якутской АССР). Этой комиссии поручалось проведение политических мероприятий по ликвидации восстания.

При рассмотрении вопроса о присоединении Охотского уезда к Якутии предписывалось «разрешить с дополнительным участием заинтересованных сторон» ¹.

В январе 1923 г. на местах ощущалось проявление кризиса и отмечалась тенденция его нарастания (заметен был рост цен, экономическое недовольство, недостаточные тарифные ставки, несвоевременность выдачи жалования, рост безработицы, грубость администрации). Эти причины обостряли обстановку более других. Повсеместно вспыхивали забастовки.

Безусловно, это послужило основой для усиления политического бандитизма. По данным информации ГПУ, в Сибири на январь 1923 г. «бандитизм по-прежнему сохранял

¹ В 1924 г совместно с Ольским районом (общая численность 4700 человек) вошел в состав Николаевского округа (См.: Дальревком... С. 220).

преимущественно политический характер и насчитывал свыше 1500 бандитов в 63 бандах». Камчатка в этом плане не была исключением. Ощущался рост бандитизма в Восточной Сибири в начале весны 1923 г. Дело в том, что именно на Сахалин и Камчатку отходили разгромленные банды Пепеляева. В Восточной Сибири в этот период действовали 15 банд общей численностью около 600 человек [13, с. 883]

Очевидно, что ситуация во многом зависела от состояния сферы экономики в области и от тех мер, которые принимались органами власти по ее стабилизации и улучшению. Тревожная обстановка создавалась и в снабжении населения продовольствием. Эту обстановку сложно переносило даже крестьянство, что распространялось и на средние его слои. Частичный голод был отмечен на территории Актюбинской, Ферганской областей, в районах действия басмачей, а также на Камчатке. Голод наступал одновременно в Поволжье, особенно в Саратовской губернии.

Такое положение не могло не вызывать в обществе нездоровые настроения. Само население искало выход из создававшейся обстановки. Господствовали упаднические настроения, что было характерно и для других регионов страны.

Особенно в трудном положении оказались и этнические меньшинства. Из докладной записки зав. отделом нацменьшинств отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) С.М. Диманштейна в Оргбюро ЦК РКП(б) «О мерах содействия сохранению малых народов Севера» от 16 мая 1924 г. о северных племенах (самоеды, тунгусы, чукчи, лопари) отмечалось, что именно на почве ухудшения экономического состояния становилось все более сложным и положение народов Севера [РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.535. Л.110-112].

На Камчатке органы советской власти сосредоточивали в своих руках торговлю пушниной и всем тем, что производили названные народы. Вопрос о положении этнических меньшинств все более переходил в политическую плоскость. Отдельные политики выступали с предложением в конститутивный период защищать интересы вымирающих туземцев Севера России Лигой наций.

Что касается Камчатки, то со стороны американцев предпринималась открытая интервенция обучавших туземцев Северной Камчатки английскому языку посредством целой кучи миссионеров. В то же время американцы поощряли добычу «за более или менее сходные цены», привлекая тем самым к благосклонному пониманию американцев. Несомненно, такой расклад в отношении этой проблемы не всегда соответствовал интересам органов советской власти, хотя они и соприкасались с туземцами, но не обращали должного внимания на защиту их интересов, в оправдание ссылаясь на дальность расстояния уездных и губернского центров от регионов расселения туземцев. Ощущались также прежние стереотипы в оценке этих меньшинств, их роли и места в обществе, пока в силе оставался колонизаторский уклон по отношению к Сибири и Северу, как и к названным этническим меньшинствам. Это формировало ориентацию и местных органов власти. По этому поводу С. Диманштейн замечал: «Всякое мероприятие быта туземцев, которые будут поручены только местным властям, не приведет к цели, Надо преодолевать громадную косность, чтобы заставить переменить отношение к беззащитным туземцам» [6, с. 210-212].

Выход был очевидным: эту четко выраженную проблему необходимо было решать на государственном уровне. Такая позиция признавалась отдельными губернскими центрами (Енисейский губернский исполком и др.). Требовался комплекс мер в экономическом, политическом и культурном отношении. Тут же предлагался и механизм решения проблемы. Надо было в первую очередь разрешить вопрос с институционализацией этого направления, а для этой цели сформировать при ВЦИКе «Комитет содействия развитию малых народностей северных окраин».

Путем внедрения института уполномоченных можно было бы представить всю картину положения туземцев, учредить контроль, особенно в сфере торговли, обеспечивать снабжение их продовольствием, предметами первой необходимости, с помощью

уполномоченных поддерживать тесные контакты с органами государственной власти на местах, контролировать проводимые мероприятия. Успех можно было бы обеспечить и формированием Комиссии из представителей НКВД, Комвнутриторга, Центросоюза, Госплана под председательством ЦК [20, с. 20].

Именно такой позиции придерживался в своей практике и Камчатский окружной ревком, наметивший конкретный план работы с этническими меньшинствами, в частности в области пушного промысла, рыбной промышленности, снабжения населения, оленеводства, работы предприятий и др. [9, с. 148-150].

В то же время положение мало выправлялось, что было характерно и для других губерний страны. Во многих из них распространялись слухи «о наборе рабочих на Камчатку». В информации ОГПУ СССР осени 1924 г. читаем: «По некоторым губерниям (Иваново-Вознесенская, Вятская, Пензенская и др.) население как раз испытывало сложную обстановку: «имело место распространение слухов и якобы о наборе на Камчатку американцами, причем формировались группы желающих (Иваново-Вознесенская губ.), достигающие по численности до 75 человек, а также делались запросы в Москву (ВСНХ), «Русско-Азиатскую концессию на Камчатке».

Такие волнения на местах обуславливалось проведением налоговых кампаний, которые повсеместно встречали недовольство широких кругов крестьянства. Поступление налогов протекало крайне медленно и с чрезмерно завышенными нормативами. В некоторых губерниях сказывалась неудачная политика регулирования цен, антианалоговая агитация кулачества.

Одним словом, главным тормозом развития общества в области, его структур, как управленческих, так и хозяйственных, выступал бандитизм. И в первой половине 1925 г. положение мало изменилось. В обзоре ГПУ за март 1925 г. по вопросу о бандитизме отмечалось: «В Камчатской губернии возросла активность банд Артемьева-Карамзина, Гамбетова, Слепцова, которые проникали и на побережье вплоть до Охотска [14, с. 194].

Фактически во всех районах области проводилась активная агитация со стороны бандитов, происходило развитие мелкого уголовного бандитизма, осуществлялась попытка создания более широкого выступления банды к началу весны.

И в апреле 1925 г. в Политсводке ОГПУ говорилось о продолжении активных действий бандитов на Камчатке. А в середине марта пришлось столкнуться с бандой в районе Новое Устье (близ Охотска). Местная банда состояла главным образом из тунгусов (75%) и якутов (25%). Во главе выступали лидеры движения из белых офицеров, а также бывших советских служащих [14, с. 248].

Летом 1925 г., конечно же, бандповстанческое движение приобретало более крупный масштаб. На Дальнем Востоке действовали 27 банд, с общим числом участников в 629 человек.

В Камчатской губернии, самой неблагоприятной по бандитизму, были достигнуты позитивные результаты: после проведенных переговоров сдался сам глава банды Карамзин со штабом и 35 бандитами. Одновременно была отправлена делегация с приказом - оперировавшей в Оймяконе группе сдать оружие. Еще до прибытия отряд банды Иванова-Новгородова, пытавшийся захватить Верхоянск, самовольно расформировался. Уже в сентябре 1925 г. специалисты Информотдела ОГПУ сообщали об обстановке во «внутренних районах страны»: «Активность бандитизма после сдачи главаря банды Карамзина и всей его шайки в Камчатской губернии значительно сократилась. В настоящее время Камчатская губерния является самой благоприятной и по бандитизму» [14, с. 194].

Тем самым Камчатская область постепенно готовилась и к выборам в Советы. Еще 3 марта 1923 г. Дальревкомом была сформирована Центральная избирательная комиссия по выборам в Советы. Затем сформировали комиссии и на местах - в губерниях, уездах, волостях. Эта кампания развернулась на территории, подведомственной Дальревкому. Развернуть эту кампанию в масштабе всей Камчатской области пока не удавалось. И даже

в отчетном докладе первому краевому съезду Советов Дальневосточного края председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник по этому поводу заметил: «...Прошел только один год, и мы могли ликвидировать революционные комитеты повсюду, вплоть до губерний, созвать губернские съезды Советов, создать губернские исполнительные комитеты. Остался только Дальневосточный ревком, да ревкомы на Сахалине и Камчатке. Нам приходилось и придется еще сохранить на Сахалине и Камчатке революционные комитеты...» [6, с. 259].

Одним словом, вся вторая половина 1920-х годов сопровождалась имевшими место в обществе трансформациями. Было заметным ухудшение положения рабочих и в начале 1930-х годов. Об этом свидетельствует и информация ОГПУ о материально-бытовом положении и настроениях рабочих, завербованных в порядке промколонизации на о. Сахалин и Камчатке (9 августа 1930 г.). В таком положении оказались в первую очередь рыбаки, прибывавшие на о. Сахалин и Камчатку. Нехватка продовольствия, скученность в местах проживания, отсутствие внимания со стороны органов власти, непосредственное усиление негативных общественных явлений среди самих рабочих [15, с. 442-444] - это был явный ресурс для создания взрывоопасной обстановки.

В масштабе страны в этот период Центр проводит реформу управления округов. Округ выполнял связующую роль до ликвидации округов промежуточного звена между региональным органом власти, а также областью и регионом. После проверки целесообразности существования округов (апрель 1930 г.) в Центре сочли округ излишним в территориальной системе. В июле 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о ликвидации округов. Их права и обязанности, а также материальные и финансовые ценности передавались городским, районным и сельским Советам.

Реформа охватила и территорию дальнего Востока. Часть территории ДВК, в частности территории Читинского и Сретенского округов, отошли в Восточно-Сибирский край. На территории Дальнего Востока оставались лишь два самостоятельных округа - Камчатский и Сахалинский, впоследствии ставшие областями. Преследовалась, тем самым, цель укрепить район руководящими кадрами, повысить их роль в хозяйственном и культурном строительстве. Дальревком на руководящую работу направил в 1930 г. - 522 рабочих, в 1932 г. - 785 [18, с. 156].

Осуществлялось новое районирование территории Дальнего Востока. 10 декабря 1930 г. создаются три национальных округа - Чукотский, Корякский и Охотско-Эвенкийский. Затем два года спустя, в 1932 г., в составе Дальневосточного края были созданы области - Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская и Нижне-Амурская. В хозяйственном плане Камчатская область приобретала свой статус в рыбопромышленном секторе [18, с. 160].

В условиях советизации области оставался еще ощутимым иностранный грабёж. Поэтому эта задача переходила в число приоритетных. Постепенно вводилось плановое ведение хозяйства. Созданное АКО продвинуло развитие Камчатки в целом. Это не могло не сказаться и на экономических показателях. Если в 1927-1928 гг. вес выловленной рыбы на Камчатке вырос на 13%, то в 1932 - на 23% [18, с. 264]. Камчатская область справилась с плановым заданием на первую пятилетку.

Однако в середине 1930-х годов общественно-политическая обстановка в области заметно менялась, что было обусловлено саботажем посевной кампании со стороны кулаков. По имеющимся сведениям, на середину июля 1935 г. единоличниками было засеяно 31 618 га (55% по плану). Наличие перегибов при установлении посевных заданий было широко использовано альтернативными Советам силами для организации саботажа, потом и выполнения посевных обязательств. Первоначальной формой выступало сопротивление единоличников, которые игнорировали посевные мероприятия.

В это же время отрицательным моментом выступал массовый отток единоличников из деревни, в отдельных местах - отказ от земли. По данным 15 районов Западно-

Сибирского края, было установлено, что с января по апрель 1935 г. из этих районов было около 11 397 единоличников. Только на Камчатку убыли около 100 человек [17, с. 117].

Рост показателей по уловам рыбы был таковым: в 1927-1928 гг. - 229,7 тыс. ц, в 1932 г. - 801,9 тыс. ц. И тем не менее трудно еще было делать вывод о спокойной ситуации в области. Проводимые Центром меры в аграрной сфере сказались и на состоянии общества в целом. ПП ОГПУ, представляя информацию о подготовке к началу рыбной путины на Дальнем Востоке, о посевной кампании, происках кулачества, а также о повстанческом настроении среди населения, альтернативных революции сил, в записке от 4 апреля 1931 г. констатировало: «В районе Тигиль Камчатского округа туземным кулачеством усиливается распространение среди населения повстанческих слухов как о повсеместном восстании против советов, так и о неизбежности захвата Камчатского округа» [16, с. 390]. В связи с этим активные агитаторы подлежали изъятию [16, с. 705].

Кулаки всячески стремились создать чрезвычайную обстановку. Возникали пожары. Так, в сел. Соболево Большерецкого района Камчатского округа была сожжена кооперативная лавка и контора. Была уничтожена документация. Общий ущерб составил 25 тыс. руб. [16, с. 706].

Вряд ли можно утверждать, что населению Камчатки не было известно о проводимых принудительных переселениях на территории Союза ССР в 1920-1930-е годы. Эта мера рассматривалась в качестве механизма стабилизации ситуации в отдельных регионах государства. Более того, уже в 1920-е годы подобная мера была применена в отдельных случаях на Камчатке. В первую очередь она затронула в основном рабочих - советских корейцев, пребывавших в первой половине 1920-х годов в Охотске и Аяне. Группа численностью в 700-800 человек была депортирована в Японию [ГАРФ. Ф.1335. Оп.1. Д.218. Л.68].

В 1924 г. на Дальнем Востоке переселение коснулось алеутов. На заседании Комиссии по охране побережья Дальнего Востока, функционировавшей при секции Госплана СССР по районированию, 17 сентября 1924 г. рассматривался вопрос о Командорских и Карагинских островах. Разумеется, признана была целесообразность и выселения алеутов с территории Командорских островов, «за исключением питомника и рабочих, связанных с его обустройством». [ГАРФ. Ф.1335. Оп.1. Д.159. Л.74-75].

Конечно, вторая половина 1930-х годов не отличалась обстановкой, которая позволяла бы заниматься вопросами совершенствования государственного строительства на местах, укреплением власти Советов. С учетом создававшейся неоднозначной обстановки в самих государственных и партийных органах власти не могла она отражаться и на общем состоянии в регионах государства, в том числе на жизни этнических общностей, включая и китайскую общину. Уже начиная с 1932 г. наблюдалось ужесточение борьбы с различными антисоветскими группировками, окопавшимися на территории Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют и оценки ситуации, содержащиеся во многих информационных материалах СПО ОГПУ об оперативной работе на местах.

С учетом установок центра участились аресты руководителей подобных групп, в частности в Хабаровске, Биробиджанском районе - 93 чел., в отдельных пограничных селах - в общем 225 человек. Эта участь постигла и многие организации, появившиеся в статусе шпионских, орудовавшие в угольной и соляной промышленности под руководством японцев. Они действовали также во Владивостоке, Артеме, Сучане и др. Разворачивалась работа подобных организаций и на Камчатке. Здесь ими руководил консул Японии Шамаде [12, с. 370, 471]. Известно о действиях в этом плане и кулацких объединений Амурского казачества в устье р. Амур.

Общее представление о названных группировках, их распределении по территории Дальнего Востока дает таблица 2.

Табл. 2. Формирование и распределение бандгрупп по территории Дальнего Востока (первая половина 1930-х годов)

Table 2. Formation and distribution of bandit groups throughout the Far East (first half of the 1930s)

№ п/п	Наименование административных единиц	Внутренние банд-группировки, число участников	Закордонные банд-группировки, число участников	Всего: группы, участники
1.	Охотский округ	2 (10 участн.)	-	2 (10 участн.)
2.	Приморская обл.	6 (42 участн.)	-	6 (42 участн.)
3.	Владивостокская обл. (приграничн. районы)	1 (17 участн.)	-	1 (17 участн.)
4.	Амурская обл.	15 (166 участн.)	2 (5 участн.)	17 (171 участн.)
5.	Всего:	24 (235 участн.)	2 (5 участн.)	26 (240 участн.)

Источник: «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. М., 2017. С. 5-71.

Source: "Top Secret": Lubyanka - Stalin about the situation in the country (1922-1934). Vol. 10. Part 2. Moscow, 2017. Pp. 5-71.

Многие из участников подобных движений были арестованы уже в середине 1930-х, пополнив лагеря заключенных. В этот период в лагерях Дальнего Востока находились 24 510 заключенных, 5000 из них трудились на линии Карымская-Уруш [12, с. 252].

Вторая половина 1930-х годов была отмечена также очередным принудительным переселением с территорий как Камчатки, так и Сахалина. «Совершенно секретно, - писал Нарком внутренних дел Н. Ежов председателю СНК В.М. Молотову 25 октября 1937 г., - выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено было 171 178 человек» [ГАРФ. Ф.5446. Оп.29. Д.48. Л.7]. Осталось на ДВК, Камчатке, в Охотске до 700 спецпереселенцев, которые будут выселены сборным эшелоном до 1 ноября того же года [1, с. 112].

Таким образом, если исходить из указаний Ежова в адрес главы Управления НКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова¹, то корейцам оставалась неделя для сборов. Но из-за сложных погодных условий это мероприятие принимало несколько затянувшийся характер. Поэтому и в ноябре 1937 г. продолжалось принудительное переселение корейцев.

Что касается корейцев острова Сахалин, то они направлялись на сборный пункт во Владивосток 18 октября 1937 г. Их было 1196 граждан. Из Хабаровска и области первый эшелон с 2300 взрослых граждан и 1090 детей, то есть 3390 человек, отправились на

¹ Не того ли господина японского консула в гор. Петропавловск-Камчатский Ямагучи (ведомствами торговли пушниной с иностранцами) присвоил себе имя, по данным главы НКВД СССР Н.И. Ежова, «лучший чекист» Союза ССР Генрих Генрихович Люшков, когда он в 1938 г. предал Родину, бежал в Маньчжурию, затем в Японию. Находясь в Японии, он выступил с разоблачительными статьями о происках НКВД СССР и Сталина, был назначен советником 2 отдельного штаба Квантунской армии под именем Ямагучи Тосикадзу.

По данным Н.Н. Аблажея, Г. Люшков в течение семи лет работал консультантом по Советскому Союзу в различных подразделениях японской военной разведки в Японии и Маньчжурии. Позднее он был уничтожен сотрудниками японской военной миссии. В ноябре 1945 г. бывший начальник военной миссии в Дайрене показал на допросе, что он «лично застрелил Люшкова» (Аблажей Н.Н. С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 121).

спецпоселение 24 сентября. К решению задачи по корейцам Камчатской области и Охотска (он был в составе Николаевского округа) приступили в ноябре. Теперь же вопрос касался 700 граждан корейской национальности. Вероятно, что они были доставлены в Петропавловск-Камчатский и очередным транспортом отправлялись на «большую землю», во Владивосток, а далее по намеченному маршруту - в Казахскую ССР и республики Средней Азии.

Такой была реальность и событийный ряд на Камчатке в 1920-1930-е годы, один из сложнейших периодов становления республики Советов. Камчатка, как отдаленный от центра край, переживала те же трансформации, что и другие регионы страны. Однако народы, расселенные на территории области, стремились изменить порядок, отказаться от сложившихся стереотипов, установить связи с другими регионами страны, строить и созидать, отстаивать территорию для более удобного проживания в суровых условиях Севера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев) / ред. М.Н. Губогло. - М.: ЦИМО, 1998. - С. 112.
2. Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке: Сборник научных трудов. - Владивосток, 1994.
3. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). - Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
4. Дальневосточная Республика. Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922 г.). Ч. 2. - Владивосток, 1993.
5. Дальневосточный путь. 14 ноября 1921; Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - февраль 1922 г.). Ч. 2. Ноябрь 1920 - ноябрь 1921 г. - Владивосток: Дальнаука, 1993. - С. 257-258.
6. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг: Сборник документов / ред. Н.И. Рябов. - Хабаровск, 1957. - С. 65-66.
7. Мухачев Б.И. Борьба за власть Советов на Камчатке. - Петропавловск-Камчатский, 1979.
8. Мухачев Б.И. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 г. // Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Вып. 1, 1960.
9. Ревкомы Северо-Востока СССР. (1922-1928 гг.). Сборник документов и материалов. - Магадан, 1973. - С. 153.
10. Ревкомы Северо-Востока СССР (1922-1928 гг.). - Магадан, 1973.
11. Серебрякова М.П., Зибарев В.А. Начало советского строительства среди малых народов Дальнего Востока (1922-1926 гг.) / Сборник научных трудов Томского электромеханического института железнодорожного транспорта. Т. XXVI. - Тайга, 1958.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 10. Ч. 2. - М., 2017. - С. 370, 471.
13. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. - М., 2001. - С. 256.
14. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. - М., 2002. - С. 194.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 8. Ч. 1. - М., 2008. - С. 442-444.
16. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину. О положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 9. - М., 2013. - С. 390.
17. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 4. 1935-1939. - М.: РОСПЭН, 2012. - С. 117.
18. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. - Владивосток, 1972. - С. 156.
19. Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. - Томск, 1964.
20. ЦК РКП(б) - ВКП(б) и национальный вопрос. - М.: РОСПЭН. 2005. - С. 20.

REFERENCES

1. Bugay N.F. Social naturalization and ethnic mobilization (the experience of Russian Koreans). Moscow: TsIMO, 1998, P. 112 / Ed. M.N. Guboglio.
2. Questions of the history of the Civil War and intervention in the Far East. Collection of scientific papers. Vladivostok, 1994.
3. Far Eastern policy of Soviet Russia (1920-1922). Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1996.
4. The Far Eastern Republic. Becoming. The struggle against intervention (February 1920. November 1921 Vladivostok: Dal'nauka, 1993. Pp. 257-258.
5. Far Eastern way. November 14, 1921. Published also in the Far Eastern Republic. Becoming. The struggle against intervention (February 1920. February 1922). Part 2. November 1920. November 1921 Vladivostok: Dal'nauka, 1993. Pp. 257-258.
6. Dalrevkom. The first stage of peaceful Soviet construction in the Far East. 1922-1926 Collection of documents. Khabarovsk, 1957. Pp. 65-66. Ed. N.I. Ryabov
7. Mukhachev B.I. The struggle for power of the Soviets in Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1979.
8. Mukhachev B.I. Establishment of the people's revolutionary power in Kamchatka in 1920. Proceedings of the Central State Archives of the RSFSR of the Far East. Issue. 1. T., 1960.
9. Revcoms of the North-East of the USSR. (1922-1928). Collection of documents and materials. Magadan, 1973. P. 153.
10. Revcoms of the North-East of the USSR. (1922-1928 gg.). Magadan, 1973.
11. Serebryakova M.P., Zibarev V.A. The beginning of Soviet construction among the small peoples of the Far East (1922-1926 gg.). Collection of scientific works of the Tomsk Electromechanical Institute of Railway Transport. T. XXVI. Taiga, 1958.
12. "Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922-1934). Vol. 10. Part 2. Moscow, 2017. Pp. 370, 471.
13. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 1. Part 1. M., 2001. P. 256.
14. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 3. Ch. 1. M., 2002. P. 194.
15. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 8. Part 1. M., 2008. Pp. 442-444.
16. "Top Secret": Lubyanka to Stalin. On the situation in the country (1922-1934). T. 9. M., 2013. P. 390.
17. "The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. Documents and materials in 4 volumes. T. 4. 1935-1939. Moscow: ROSSPEN, 2012. P. 117.
18. Unpelev G.A. Socialist industrialization of the Far East. Vladivostok, 1972. P. 156.
19. V. Flerov. The construction of Soviet power and the fight against foreign expansion in Kamchatka. Tomsk, 1964.
20. CC RCP (b) - VKP (b) and the national question of Moscow: ROSSPEN. 2005. P. 20.

Информация об авторе:

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

Получена: 04.03.2018

Для цитирования: Бугай Н. Ф. Проблемы далекого и близкого Камчатского края 1920-1930-е годы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 2-2. с. 11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27.

Information about the author:

Nikolai F. Bugai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, State Class III Counselor of the Russian Federation, Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

Received: 04.03.2018

For citation: Bugai N.F. Problems of the far and near Kamchatka region from the 1920s - 1930s years. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no. 2-2. Pp. 11-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-11-27. (in Russ)